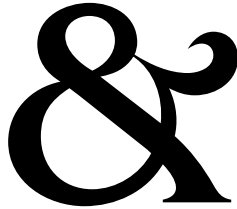

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Юлия АЛЕЙНИКОВА

**Тайное
сокровище
Айвазовского**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Оформление обложки *Н. Кудри*

Алейникова, Юлия.

А45 Тайное сокровище Айвазовского / Юлия Алейникова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-90737-3

Кто знает, какие тайны хранят картины, известные нам с детства в каждой линии и детали? Вдруг и «Девятый вал» Айвазовского — не просто рассказ о встрече человека и стихии, а зашифрованное послание, где верхушка мачты служит стрелкой компаса, а число людей на плоту указывает на метры или ступеньки, которые нужно преодолеть, чтобы добраться до тайника с кладом? Три поколения семьи, увлекаясь и разочаровываясь, проходя через преступления и измены, будут искать ответ, чтобы открыть наконец заветную шкатулку Ивана Айвазовского.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2016

© Оформление.

ISBN 978-5-699-90737-3

ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

В

ночь с 1-го на 2 мая 1900 года мирно скончался во сне великий художник-маринист Ованес Айвазовский. Ему было восемьдесят два года. Он умер, так и не узнав ответа на вопрос, преследующий его всю жизнь.

Ранним утром 2 апреля того же года, в Вербное воскресенье, в феодосийском доме Айвазовского зазвонил колокольчик — посыльный принес корзину цветущих ландышей. За первой корзиной последовали другие — маки, мимозы, тюльпаны, нарциссы... В праздничные дни жители города задаривали обожаемого художника цветами. Вечером Иван Константинович пожелал выпить чаю на балконе, который утопал в цветах. Корзина с ландышами стояла на инкрустированном чайном столике.

Айвазовский смотрел на них и ощущал смутную тоску. Ему казалось, будто эти ландыши он уже где-то видел. Художник поделился с женой, Анна Никитична — молодая цветущая красавица — с улыбкой ответила, что точно такую корзину видит каждое Вербное воскресенье год за годом и все хочет спросить, от кого это, да забывает.

Неужели он сам раньше не замечал? Оказывается, нет. Слишком много в доме цветов.

От кого же эти ландыши? Здесь нет ни записки, ни визитной карточки. Как таинственно! Он запомнил только посыльного — высок, сед, в потертом сюртуке, такого хотелось нарисовать. Анечка постаралась успокоить мужа: мало ли в Феодосии стариков в потертых сюртуках? Наступит следующее Вербное воскресенье, и все прояснится, к чему тревожиться. Но Айвазовский так и не успокоился, он был уверен, что здесь кроется что-то важное, без чего жизнь его, счастливая и долгая, останется неполной.

Шел 1839 год. Иван Айвазовский, талантливый начинающий художник, жил тогда в Петербурге. В тот судьбоносный день он возвращался из Академии художеств и не заметил несущуюся вскачь упряжку. Успел отбежать, но потерял равновесие и едва не упал. В экипаже сидела дама под белой вуалью. Испуганная, она возбужденно что-то говорила по-французски. Аромат духов, грация, изящество — все вскружило голову пылкому юноше. Пока незнакомка подвозила молодого человека к его дому, он все время бормотал: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь». На прощание дама поинтересовалась, как зовут жертву кучерской неосторожности, но сама так и не представилась.

Айвазовский сидел дома и грезил о дивной незнакомке, когда к нему ввалились друзья, огорченные, что не смогли раздобыть билеты на «Сильфиду» с божественной Тальони в главной партии.

Вдруг на пороге возникает посыльный с письмом. Айвазовский вскрывает надушенный конверт, оттуда выпадают билеты... На самую Тальони, да не на галерку, а в четвертый ряд! Недоумению нет конца.

Взяв напрокат фраки, приятели отправились в театр и громче всех рукоплескали прекрасной итальянке. Мария Тальони в этот вечер была божественно грациозна. А потом молодые люди побежали к артистическому подъезду, чтобы еще раз увидеть легконогую балерину. Из дверей выпорхнула Тальони, возбужденная публика рванулась ей навстречу. Юноши, намереваясь сдержать толпу, схватились за руки. Добравшись до кареты, Тальони вдруг оглянулась. Она узнала Айвазовского.

— Месье Гайвазовский! — Очаровательная балерина бросила ему букет роз. Да, это была она, его прекрасная дама!

— Сто рублей за цветок, молодой человек, умоляю! — тут же подлетели к нему обезумевшие балетоманы. Но он бросился бежать, прижимая к груди драгоценный букет, а вослед неслись завистливые крики: «Счастливчик!»

Спустя несколько дней балерина покинула Петербург, а Айвазовский, мысли которого были только о ней, совсем потерял голову. Осенью того же года он получил аттестат об окончании академии, свой первый чин и личное дворянство. Но карьерные перспективы мало занимали влюбленного, и он принялся хлопотать о пенсионерской поездке в Италию, чтобы вновь увидеть прелестную Марию. И ведь смог убедить президента академии, что ему,

как маринисту, необходимо быть в Венеции. Летом 1840 года он прибыл в Италию.

Увы, балерины в ее венецианском доме не было. Покрутившись на гондоле вокруг палаццо с темными окнами, Айвазовский решил дождаться ее, употребив время с пользой, и посвятил себя работе.

В ожидании приезда Тальони художник писал Венецию. Его картины раскупали, сам папа Григорий XVI купил для Ватикана его «Хаос». Это был оглушительный успех. Однажды Айвазовскому сказали, что пару его картин купила сама Тальони. Для него это означало, что она вернулась в Италию. Он еще не успел подумать, под каким предлогом покажется предмету своих грез, как в гостиницу доставили письмо в знакомом голубом конверте, в котором снова обнаружили билеты на «Сильфиду». И снова она, воздушная и грациозная, танцевала на сцене, и снова Айвазовский стоял у артистического подъезда. По дорожке, усыпанной цветами, Тальони побежала к своей гондоле и позвала: «Синьор Айвазовский, что же вы, я жду!»

В тот вечер они долго катались по Венеции. Для него настали счастливые дни. Он жил в ее доме. С утра писал картины, прислушиваясь к музыке из комнат Мари, — она репетировала. В полдень за завтраком они встречались, а потом катались по каналам, пьянея от морского воздуха. Ему двадцать пять, ей тридцать восемь. Но для влюбленного не существовало возраста, он был покорен своей Сильфидой. Айвазовский мечтал, чтобы это счастье длилось вечно. И сам все испортил, не справился с нахлынувшими чувствами. Он попросил ее руки.

Но тогда ей пришлось бы выбирать между семейной жизнью и искусством, а ссоры с Ованесом из-за ее занятости уже стали мучительными. Однажды она вошла к нему в мастерскую и протянула балетную туфельку со словами:

— Этот башмачок растоптал мою любовь. Возьмите его на память и возвращайтесь в Россию. Там ваша жизнь, а свою женщину вы еще встретите.

— Но оставьте мне хотя бы надежду!

— Нет, милый мальчик. Я никогда не полюблю вас...

Айвазовский был убит отказом. Страдал, плакал над подаренной Тальони розовой балетной туфелькой. Потом путешествовал по Европе, вернулся в Россию. И здесь признал, что великая балерина была права. Его жизнь — в России. На родине он обнаружил, что мода на него растет стремительно. После итальянского успеха петербургские аристократы скупали его картины за бешеные деньги. Прошло еще немного времени, и, как пророчила Тальони, Айвазовский встретил новую любовь.

И все же эти ландыши не давали ему покоя. Он начал поиски посыльного, ему казалось, что следующего Вербного воскресенья он не дожидется. Так и случилось.

Когда умер Айвазовский, Феодосия оделась в траур. Закрылись школы, магазины, рынок умолк. Сотни людей плакали навзрыд. Среди шедших за гробом был и старик в потертом сюртуке. Те, кто оказался рядом в толпе, слышали, как он сокрушался: «Некому теперь носить посылку от Трубецкого! Итальянка Мария Тальони, выдавшая дочь за кня-

зя, умирая, завещала каждый год на Вербное воскресенье посылать Ивану Константиновичу ландыши. А ежели тот поинтересуется от кого, сказать, что от той, которая много лет назад его отвергла, хотя всю жизнь любила только его одного. Шестнадцать корзин отнес я Ивану Константиновичу, а он так ни разу ни о чем не спросил. Может, знал, к чему эти ландыши?»

ЧАСТЬ I

Глава 1

Ленинград, 1975 год

оскливо скрипели за окном обледеневшие старые деревья, тревожные тени металась по стенам и потолку ветхого особняка. Исследованные при свете дня залы казались незнакомыми, таинственными, словно иллюстрации к готическому роману.

Тихий посвист поземки на каменных ступенях террасы долетал сквозь старые рассохшиеся рамы, неряшливо заткнутые ватой.

Они точно знали, что в этот ночной час ни души не было во всем здании, но отчего-то дрожали и крались так неуверенно, точно боялись спугнуть призрака.

— Куда теперь? — остановился посреди стылого вестибюля грузный высокий мужчина в ватнике и поношенном треухе. — Не тяни, а ну как до утра не управимся.

— Не бойся, должны все успеть, — ответил тихий голос. Владелец голоса был невысоким, худощавым, в поношенном нелепом пальто, сидевшем на сутулой фигуре как с чужого плеча. — Пойдем. Нам на второй этаж.

Осторожно поднялись по скрипучей дубовой лестнице, держась за широкие, отполированные за два века сотнями рук перила. Вошли в парадную анфиладу.

Одна, другая, третья зала. Украшенные лепниной, заброшенные и унылые, как кладбищенские склепы, они навевали ужас.

А может, это только казалось, потому что шли они по тайному делу, незваные и чужие в этом старом доме. Темная стремительная тень пронеслась за окном, сердца их забились испуганно, и они замерли, прислушиваясь.

— Ворона, — хрипло пояснил коренастый.

— Да, — торопливо согласился с товарищем худой, и оба пошли дальше.

Они добрались до углового кабинета. В окно сквозь высокие голые окна смотрела луна, пронизывала комнату насквозь, словно наполняла ее осязаемым на ощупь светом.

— Где? — нетерпеливо спросил коренастый, нервно облизываясь и воровато глядя по сторонам.

— Здесь, за камином. Видишь эту декоративную панель? — Худой подошел к отделанному мрамором камину и указал на пространство над каминной полкой. На панели выбит был барельеф — кораблекрушение. Редкий сюжет для украшения каминов. Худой провел пальцами по шероховатой холодной поверхности. Неужели это все? Осталось протянуть руку...

Коренастый подошел, встал рядом, лицо его казалось диковатой усмешкой.

— Вот и добрались, — блаженно проговорил он. И строго добавил: — Делить будем сразу. Как договаривались — мне две трети, тебе треть.

Худой отступил на пару шагов. Лицо, бледное в свете луны, с тонкими правильными чертами, исказилось. Он нагнулся, поднял с пола кувалду и, с трудом замахнувшись, опустил ее на голову своего компаньона.

Коренастый рухнул. Его убийца, оттащив покойного за ногу от камина, снова поднял кувалду. Удар, другой — старинный особняк замер от испуга, а барельеф, украшавший дымоход, разлетелся вдребезги. Кувалда обрушилась на кирпичи. Спустя полчаса все было кончено. Темный зев дымохода зиял, как ворота преисподней. Худой, утерев рукавом пот, отбросил кувалду, подтащил валявшийся в углу стул, встал на него и запустил руку в пробитую им амбразуру.

Он пыхтел, пытался залезть глубже. Вскарabкался на каминную доску, засунул в дыру голову, засветил спичку. Стон отчаяния слышался все громче. Худой нанес еще два удара по старой кирпичной кладке, увеличил пролом, снова потянулся к дымоходу, перерыл кирпичный мусор, насыпавшийся в зев камина, но ничего не нашел.

— Не может быть! Не может быть! — утирая тыльной стороной руки пот, взвыл худой. Потом отчаянно, по-бабьи разрыдался. — Все напрасно! — крикнул он в залитый бледной луной равнодушный сад. Красота зимней ночи не тронула его, только напомнила, что на улице мороз, а он вспотел и может простыть.

Он еще раз с ненавистью взглянул на лежащее у его ног тело, бросил кувалду и вышел из комнаты шаркающими шагами.

Глава 2

Майор Ленинградского угрозыска Юрий Терентьев стоял посреди плохо освещенной залы старинного особняка и слушал дрожащего от волнения заместителя директора НИИ, имеющего вместо названия почтовый ящик.

Сам директор в данный момент находился в командировке и о случившемся пока поставлен в известность не был.

— Вы понимаете, это крыло здания должно было идти на капитальный ремонт в ближайшее время, — объяснял замдиректора, стараясь не смотреть на лежавшее посреди зала тело. — Сотрудники уже переехали в другой корпус, здесь оставался всякий мусор, так что я не знаю, что могло понадобиться...

— Осмотр места происшествия начат в восемь часов тридцать три минуты, — слышался рядом безучастный голос криминалиста. — Осмотр проводится при слабом электрическом освещении. Трехэтажное здание дореволюционной постройки, где располагались бухгалтерия, отдел кадров и финансовый отдел, в настоящее время пустует в связи с подготовкой к ремонту. Северная его часть...

— Все понятно, — кивнул майор Терентьев, прерывая объяснения замдиректора. — Пока вы мо-

жете быть свободны, идите, работайте, я к вам еще зайду. Сотрудникам о происшествии пока сообщать не надо. — И он направился к криминалистам.

— В общем, так, — перекинул блокнотный лист лейтенант Олег Ребров. — Вахтер приехал на работу в семь, входная дверь была открыта. Коростылева на месте в дежурке не было. Вахтер переоделся и решил поискать сторожа, то есть Коростылева. Сперва заглянул в туалет, — бесцветным речитативом отчитывался Ребров, — мало ли какая ситуация, потом заволновался и пошел проверять помещения первого этажа. Обычно Коростылев входные двери держал закрытыми и ждал вахтера в вестибюле. Не обнаружив Коростылева, вахтер заволновался. Подумал, что воры могли залезть или начальство с проверкой нагрнуло. Он закрыл входную дверь на задвижку и отправился обследовать здание. Осмотрел рабочие помещения, все были заперты, потом сообразил заглянуть в старое крыло, где и нашел убитого. Клянется, что ничего не трогал, побежал сразу звонить начальству, потом нам. Да, кстати, убитый до пенсии в нашем ведомстве работал. Я в отделе кадров еще не был, но фактик небезынтересный.

— Хорошо. Степан Георгиевич, что у вас? — обернулся Терентьев к криминалисту, составлявшему протокол осмотра места происшествия.

— Картина примерно такая. Следов взлома мы не нашли, значит, скорее всего, Коростылев впустил убийцу на территорию самостоятельно. Кувалда тоже отсюда, хранилась вместе с дворничьим инвентарем. Дворник опознал ее. Ком-